

РАДОСТНОЕ ЗАНЯТИЕ

Театр должен бороться с большими и маленькими тоталитаризмами, сказала Ариана Мнушкина, приехав на сутки в Москву *Независимая газета*, 24 февраля 1998.

Григорий Заславский

НА ПРОШЛОЙ неделе в Москву на сутки приезжала Ариана Мнушкина, режиссер, основатель и бессменный руководитель Театра дю Солей, быть может, самый известный и авторитетный в мире французского театра человек (см. «НГ» от 18.02.98 г.). Посмотрев предложенную ей площадку (спектакль Театра дю Солей «И тогда ночи стали бессонными» уже заявлен в программе Международного театрального фестиваля имени А.П.Чехова) – сцену Театра Советской Армии, Мнушкина, известная своими крайне деликатными отношениями с прессой, все же согласилась встретиться с не сколькими журналистами.

Несмотря на все рассказы о ее строгости, о том, сколь важны для нее условности, Мнушкина оказалась удивительно приятной женщиной, чуть ли не в том же свитере, в котором она запечатлена на фотографии, опубликованной в «Независимой» на прошлой неделе. Открытый человек. И очень театральный, чем напомнила равных ей по известности патриархов европейского театра XX века – Брука, Стрелера... Кстати, с ними она сходна и с своими «левыми» убеждениями (ее последний спектакль, который и приедет при благополучном стечении обстоятельств в Москву, повествует о борьбе тибетцев за свою независимость, и Мнушкина заметила на последок: «Нужно бороться с большими и маленькими тоталитаризмами»), долгие годы заставлявшими ее вообще отказываться от каких-либо государственных, тем более частных, дотаций. Имея в виду ее сложные отношения с прессой, я задал Мнушкиной первый вопрос: «Скажите, пожалуйста, как соединяется в вас то, что вы ежевечерне выходите к публике и даже отрываете билеты, стоя на контроле, а после спектакля с готовностью пускаетесь в споры со зрителями, с тем, что вы не любите встречаться с журналистами, почти избегаете их вопросов? Пускаете ли вы, к слову, критиков на репетиции?»

– Нет, – ответила Мнушкина, – я критиков на репетиции не пускаю. Есть журналисты, к которым

я отношусь с большим уважением. Есть, которых я не уважаю. И если говорить откровенно, должна быть дистанция между театром и журналистом, та дистанция, которой больше не существует между журналистами и политиками. Мне кажется, что для художника такая дистанция существенна, иначе он попадает в атмосферу своего рода клуба. Мне кажется, что в такой клубной ситуации журналист оказывается недостаточно свободным, чтобы писать о театре. Но и художник чувствует себя в таком случае «на грани коррупции». Дистанция, о которой я сказала, должна быть основой этики отношений между критикой и театром. Я очень часто вступаю в дружеские отношения с теми, кто писал о нас, но теперь вышел на пенсию, а знают, перестал играть роль конъюнктурный момент.

Обаятельно фантазируя, следя за свободной мыслью, Мнушкина говорила: «Я считаю, что театр может быть и политическим, и историческим, и священным, и современным, и мифологическим, – меняется только пропорция каждой из этих вещей. Я считаю, что у нашего театра множество миссий. Надо продолжать слушать как Эсхила, Шекспира, так и современных авторов, рассказывать современные истории. Во Франции, как и вообще в Европе, в какой-то момент стали отказываться говорить о том, что происходит в наши дни. Кино – да, но театр почему-то перестал интересоваться современными вопросами. А ведь Шекспир это делал, и Эсхил, и Чехов, и Мольер... И мы в меру своих, быть может, небольших сил, не должны бояться современных проблем и вообще современности. Почему же мы так боимся браться за нынешние tragedии, за какие-то смешные вещи, грезить, мечтать о чем-то современном?! Главное, чтобы это был театр».

– Театр дю Солей начал с горьковских «Мещан». Возможно ли сегодня для вас возвращение к этой пьесе? Вообще, вы возвращаетесь к однажды поставленным пьесам или нет?

– Не могу сказать, что сегодня я отмечу эту пьесу. Она продолжает быть для меня интересной. Но мне не хотелось бы возвращаться к ней снова. Я никогда не возвращаюсь к тому, что уже было сделано. Хотя знаю режиссеров, кото-

рые удачно возвращаются к однажды поставленным пьесам. Впрочем, твердого мнения по этому поводу у меня нет, я отношусь к этому нестабильно.

Отвечая на другие вопросы, Мнушкина довольно любопытно прокомментировала свою работу в театре, как и вообще процесс театрального творчества: «Мне кажется, что если нет радости, то нет и театра», – сказала Ариана. – Даже в трагедии есть радость – это радость от искусства. Заниматься театром без радости (и если эта радость не передается от актеров зрителям) не нужно – за это даже нельзя получать деньги... Мне кажется, что настоящий театр никогда не бывает реалистическим. И Станиславский – не реалистический художник.

Для всякого, кто занимается театром, существует один фундаментальный вопрос: занимаюсь ли я театром или воспроизвожу жизнь? В моем последнем спектакле есть момент, когда актриса глотает аспирин и запивает таблетку стаканом воды, после чего наступает недолгое молчание. Публика сидит и внимательно смотрит на нее, на пространство вокруг, и каждый раз, когда я смотрю эту сцену, я спрашиваю себя, что в этом театрального? Почему так? Это – чудо и тайна одновременно. Когда по утрам я сижу за рулем своей машины, по дороге в театр, каждодневно встает передо мной драматический вопрос – получится ли сегодня у нас что-нибудь? Повезет ли сегодня?

Мнушкину часто называют режиссером-диктатором. Успышав от нас такое определение, Мнушкина тут же парировала: «Я вообще не верю в диктатуру режиссера, я верю в диктатуру театра. Обычно диктует театр. Мне кажется, главная задача режиссера – расчистить дорогу актеру и сделать эту дорогу просторной, широкой, чтобы позволить актерам пройти гораздо дальше, чем они думают, что могут пройти».

Говоря о сцене Театра Армии, Мнушкина сказала, что, на ее взгляд, сыграть там спектакль возможно, но сегодня приезд зависит не от площадки, как 10 лет назад, не от фестиваля, а «от нас самих и наших финансовых проблем». О спектакле, который приедет в Россию, говорить она наотрез отказалась: «Я не умею говорить о спектакле».